

ИДЕАЛИЗМ СТАЛИНИСТОВ

Борис Ихлов

Несмотря на то, что отход от марксизма-ленинизма таких сталинистов, как КПРФ, уже отчетливо виден в сожительстве с РПЦ, обычно они клянутся в верности историческому материализму. Они уверяют, что считают класс первичным, а партию – вторичной. При этом тут же объявляют, что руководящим, т.е. главным звеном в рабочем движении обязательно является партия, класс без партии ни на что неспособен. Партия по-прежнему именуется субъективным фактором, но объявляется выше объективного фактора, класса, поскольку ставится во главе класса.

Обычно сталинисты клянутся, что считают практику выше теории, как это и считали материалисты Маркс, Энгельс, Ленин. Но тут же объявляют идеологическую борьбу партии выше практики рабочей борьбы.

Обычно сталинисты клянутся, что считают роль личности в истории вторичной, как считал и сам Сталин. Но тут же ставят исторические тенденции в зависимость от того, что умер Сталин и пришел Хрущев.

Обычно сталинисты клянутся, что следуют классовому подходу в истории. Н тут же при рассмотрении царствования Ивана Грозного и Петра I отказываются от классового подхода и объявляют данных царей благом. Сталинисты даже нахваливают данных царей за то, что путем войн расширили государство. Один кретин с псевдонимом Аккуратов (РКРП) даже заявил, что Петр I не мог быть классовым врагом, потому что в те времена не было рабочего класса.

Таким образом, история человечества у сталинистов перестает быть историей борьбы классов и становится домарксистской историей царей.

Сталинисты настолько далеки от марксистского подхода в истории, что даже общественный строй и способ производства делают подчиненными одной-единственной личности. Они настолько слабы в марксизме, что объявляют причиной распада СССР приход Хрущева. При этом полностью игнорируются те факты, что при Хрущеве выросла производительность труда, состоялся экономический взлет, СССР получил ракетно-ядерный шит и стал ведущей космической державой, была введена в строй первая в мире АЭС, был изобретен и внедрен в производство лазер и т.д.

Однако главным в менталитете сталинистов является их отношение к рабочему классу. Оди по сей день поднимают на знамя устаревшую работу Ленина «что делать», где он вслед за Бернштейном повторяет. Что сам рабочий класс не может вырваться за пределы экономизма, а партия, как церковь, привносит в инертную, косную, темную материю рабочего класса божественное политическое сознание.

«Стало баранов во главе со львом победит стадо львов во главе с бараном», - любит повторять доцент ПГНИУ, историк, член КПРФ Дементьев, говоря о необходимости руководящей роли партии. И мы слышали ту же фразу из уст олигарха Грудина, торговца землёй, кандидата в президенты от КПРФ, по поводу руководства Сталиным Красной Армией. В сетях фразой возмутились без промедления: Грудинин назвал советских солдат баранами.

Насколько идеализм стал основой мировоззрения сталинистов, прекрасно показывает брошюра Маркса и Энгельса «Абсолютная критическая критика в лице г-на Бруно». В брошюре авторы иронизируют над методологией Бруно Бауэра. Приведем некоторые фрагменты.

«До сих пор казалось, - пишет Маркс, - что критическая критика в большей или меньшей степени занята критической обработкой разнообразных массовых предметов. Теперь мы находим её занятой абсолютно критическим предметом — самой собой. До сих пор она черпала свою относительную славу из критического унижения, отвержения и преобразования определённых массовых предметов и лиц. Теперь она черпает свою абсолютную славу из критического унижения, отвержения и преобразования массы в её всеобщности. На пути относительной критики стояли относительные границы. На пути абсолютной критики стоит абсолютная граница, граница в виде массы, масса как граница. Относительная критика, в своём противоположении определённым границам, сама по необходимости была ограниченным индивидуумом. Абсолютная критика, в своём противоположении всеобщей границе, границе как таковой, необходимо должна быть абсолютным индивидуумом. Подобно тому, как в нечистом месиве «массы» слились воедино разнообразные массовые предметы и лица, точно так же и казавшаяся ещё предметной и личной критика преобразилась в «чистую критику». До сих пор казалось, что критика в большей или меньшей степени является свойством отдельных критических индивидуумов — Рейхардта, Эдгара, Фаухера и т. д. Теперь она — субъект, а г-н Бруно — её воплощение».

Аналогично ВСЕ, состоящие в КПРФ, РПК-РКРП, ВКПб и т.п., объявляют себя марксистами априори, они есть воплощение марксизма. При этом на самом деле весь контингент этих партий, включая гуманитарную профессуру, ничего не смыслит в марксизме-ленинизме.

«До сих пор, - продолжает Маркс, - массовость казалась, в большей или меньшей степени, свойством критикуемых предметов и лиц; теперь предметы и лица стали «массой», а «масса» стала предметом и лицом. Все прежние критические

отношения растворились теперь в отношении абсолютной критической мудрости к абсолютной массовой глупости. Это основное отношение выступает как смысл, тенденция, разгадка прежних критических деяний и битв. В соответствии со своим абсолютным характером «чистая» критика уже при первом своём выступлении скажет своё отличительное «решающее слово»; но, несмотря на это, она, как абсолютный дух, должна будет проделать некоторый диалектический процесс. Лишь в конце её небесного движения воплотится истинным образом в действительность её первоначальное понятие (см. Гегель. «Энциклопедия»).

У нынешних сталинистов вместо «массовой глупости» - отсталые рабочие, народ – рабы и т.п.

«Ещё несколько месяцев тому назад», — возмущает абсолютная критика, — «масса мнила себя гигантски сильной и предназначенной к мировому господству, приближение которого она готова была высчитывать по пальцам. ... Если, как утверждает абсолютная критика, до сих пор историю занимали только такого рода две-три наипростейшие истины, которые в конце концов сами собой понятны, то эта скудость, приписываемая критикой всему прежнему человеческому опыту, прежде всего доказывает только собственную скудость абсолютной критики. С некритической точки зрения результат истории, напротив, тот, что самая сложная истина, квинтэссенция всякой истины — люди — начинают в конце концов сами собой понимать себя».

Действительно – люди отличаются от животных тем, что умеют думать. Не чужой. А своей собственной головой. Ныне рабочие уже устали от того, что какая-то партийная голова за них думает, они хотят мыслить самостоятельно. Плеханов писал: диктатура пролетариата как небо от земли отличается от партийной диктатуры. Она предполагает такой рабочий класс, который способен самостоятельно обсуждать свое положение.

«Абсолютная критика, - замечает классик, - говорит об «истинах, которые с самого начала понятны сами собой». В своей критической наивности она изобретает абсолютное «с самого начала» и абстрактную, неизменную «массу».

Вот именно – неизменную, со времен Адама Смита, а теперь мы скажем – со времен Маркса и Ленина. Сегодня же масса уже достаточно образованна, чтобы читать Маркса без партийных пастырей, она может и не ограничиться экономической борьбой, она может влезть в управление подразделением, заводом, как это было на заводе «Сюд авиасьон» в 1968-м, она может захватить завод и наладить сама производство, она может и город захватить, как это было в Ясногорске в 2001-м. Две общенациональные забастовки во Франции в 90-е отмежевались не только от партий, но даже от профсоюзов. Наконец, парижская коммуна и Советы в России 1905-1917-го и в Италии 1969-го – дело рук самих рабочих, которые обошлись без партийного руководства.

Маркс указывает место «теории»: «Все великие дела прежней истории, — узнаём мы, — потому именно были с самого начала неудачны и лишены действительного успеха, что масса была в них заинтересована, что они вызывали энтузиазм массы. Другими словами, дела эти должны были иметь жалкий конец потому, что идея, лежавшая в основе этих дел, была такого рода, что она должна была довольствоваться поверхностным пониманием себя, а следовательно, рассчитывать на одобрение массы»

И ниже: «Первое же положение земного социализма отвергает эмансипацию исключительно в сфере теории как иллюзию и требует для действительной свободы, кроме идеалистической «воли», ещё весьма осязательных, весьма материальных условий. Как низко по сравнению со святой критикой стоит «масса», — масса, которая считает материальные, практические перевороты необходимыми даже для того, чтобы завоевать время и средства, нужные хотя бы только для занятия «теорией!»»

Тождественны «критической критике» и сталинисты. Они вовсе не считают, что в своих действиях они должны исходить из ближайших интересов масс, точнее – партии вообще далеки эти ближайшие интересы и на любом митинге они разводят трескотню про социализм, про разрушение СССР и т.п. Лидер пермской ВКПб Андрей Кузнецов считает профсоюзную борьбу вредной, ибо она только укрепляет капиталистическую систему. На митинге у проходных пермского электроприборного завода, когда увольняли 1300 пенсионеров, сталинисты кричали в микрофон, что любая борьба бесполезна, пока не будет социализма.

Маркс противопоставляет идеалистическому пониманию истории материалистическое: «Казалось бы, - что понимание, которым довольствуется идея, т. е. которое соответствует идее, тем самым перестаёт быть поверхностным. Г-н Бруно только для виду приводит отношение между идеей и её пониманием, точно так же как он только для виду приводит отношение неудачного исторического дела к массе. Если поэтому абсолютная критика действительно что-нибудь осуждает за «поверхностность», так это именно всю прежнюю историю вообще, дела и идеи которой были идеями и делами «масс». Она отвергает массовую историю и на её место намерена поставить критическую историю...»

Точно так сталинисты обвиняют всех, кто указывает на стремление партийных функционеров стоять над массами, возглавлять их и получать партийные взносы – «поверхностностью». Точно так же, как Бруно Бауэр, сталинисты заменяют марксистскую историю борьбы классов идеалистической историей царей.

Далее следует просто потрясающий отрывок:

«Согласно прежней, некритической истории, т. е. истории, писанной не в том смысле, какой придаёт ей абсолютная критика, следует, далее, строго различать две вещи: насколько масса была «заинтересована» в тех или иных целях и насколько эти цели «вызывали энтузиазм» массы. «Идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса». С другой стороны, нетрудно понять, что всякий массовый, добывающийся исторического признания «интерес», когда он впервые появляется на мировой сцене, далеко выходит в «идею», или «представлении», за свои действительные границы и легко, смешивает себя с человеческим интересом вообще. Эта иллюзия образует то, что Фурье называет тоном каждой исторической эпохи. Интерес буржуазии в революции 1789 г., далёкий от того, чтобы быть «неудачным», всё «выиграл» и имел «действительный успех», как бы впоследствии ни рассеялся дым «пафоса» и как бы ни увяли «энтузиастические» цветы, которыми он украсил свою колыбель. Этот интерес был так могущественен, что победоносно преодолел перо Марата, гильотину террористов, шпагу Наполеона, равно как и католицизм и чистокровность Бурбонов.

«Неудачной» революция была только для той массы, для которой политическая «идея» не была идеей её действительного «интереса», истинный жизненный принцип которой не совпадал поэтому с жизненным принципом революции, — для той массы, реальные условия освобождения которой существенно отличны от тех условий, в рамках которых буржуазия могла освободить себя и общество. Если, стало быть, революция, которая может служить представительницей всех великих исторических «дел», неудачна, — то она неудачна потому, что та масса, жизненными условиями которой по существу ограничилась революция, была массой исключительной, не охватывающей всей совокупности населения, ограниченной массой. Если, значит, революция неудачна, то не потому, что революция «вызывала энтузиазм» массы, не потому, что масса была «заинтересована» в ней, а потому, что для самой многочисленной части массы, части, отличной от буржуазии, принцип революции не был её действительным интересом, не был её собственным революционным принципом, а был только «идеей», следовательно, только предметом временного энтузиазма, только кажущегося подъёма.

Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объём массы, делом которой оно является. В критической истории, согласно которой в исторических делах речь идёт не о действующих массах, не об эмпирическом действии и не об эмпирическом интересе этого действия, а, напротив, только об «идее», пребывающей «в них», — в такой истории всё должно происходить, конечно, совершенно иначе».

Действительно: интерес, принцип левеллеров, санкюлотов, парижских коммунаров далеко выходил за рамки интереса третьего сословия. Интерес, принцип неформальных марксистских рабочих групп 80-х далеко выходил за рамки вещного, финансового интереса элиты КПСС, легализовавшей себя как класс капиталистов.

Содержание труда обрекает рабочего на психологию винтика в механизме. Маркс пишет: ««В массе», — поучает нас критика, — «а не в чём-либо другом, как думают её прежние либеральные защитники, следует искать истинного врага духа». ... Абсолютная критика исходит из догмы абсолютной правомочности «духа». Она исходит, далее, из догмы внемирового существования духа, т. е. из существования духа вне массы человечества... Как же безгранично остроумна должна быть «абсолютная критика», чтобы перед лицом всех этих фактов из области духовной и практической жизни суметь усмотреть лишь одну сторону дела, постоянное крушение духа, и в досаде на это обстоятельство пуститься ещё в поиски противника «духа», которого она и находит в «массе»! В конце концов всё это великое критическое открытие сводится к тавтологии. По мнению критики дух до сих пор всегда наталкивался на преграду, на препятствие, — иными словами, всегда имел противника. Почему? Потому, что у него был противник. Кто же является противником духа? Духовная пустота. Ведь критика определяет массу только как «противоположность» духа, как духовную пустоту, а если взять более детальные определения духовной пустоты, — как «леность мысли», «поверхностность», «самодовольство». Какое огромное преимущество перед коммунистическими писателями — избавить себя от исследования источников духовной пустоты, лености мысли, поверхностности и самодовольства и, открыв в этих качествах противоположность духа, прогресса, заняться их моральным посрамлением! Когда эти качества объявляются свойствами массы, как некоторого ещё отличного от них субъекта, то подобное различие — не что иное, как «критическая» видимость различения. Только видимостью является то, что абсолютная критика, кроме абстрактных свойств духовной пустоты, лености мысли и т.д., оперирует ещё и некоторым определённым конкретным субъектом, ибо «масса» в критическом понимании есть не что иное, как эти абстрактные свойства: «масса» — это только другое их название, их фантастическая персонификация».

У сталинистов, которые оказываются попросту никому не нужны, принято обвинять массы в том, что массы ну никак не хотят проникаться их проповедями и вступать в их ряды. Не те трудящиеся попались просвещенным сталинистам. Слишком буржуазны массы, охвачены фанаберскими интересами, никакого им дела нет до идеи социализма. Посрамлением масс занят и Кара-Мурза в своем «Антисоветском проекте». Но отчего же это «наследники» Маркса и Ленина даже не пытаются понять причин обуржуазивания рабочего класса? Максимум, на что хватило троцкистов из аргентинского Международного союза трудящихся, так это на то, чтобы твердить, что рабочих совращает буржуазная пропаганда.

Далее Маркс объясняет сталинистам, что означает их сакрализация Сталина: «Отношение «духа и массы» имеет, однако, ещё и другой, скрытый смысл, который вполне раскроется в дальнейшем ходе рассуждений. Мы здесь его только наметим. Открытое г-ном Бруно отношение «духа» и «массы» на самом деле есть не что иное, как критически-карикатурное завершение гегелевского понимания истории, которое, в свою очередь, есть не что иное, как спекулятивное выражение христианско-германской догмы о противоположности духа и материи, бога и мира. В пределах истории, в пределах самого человечества этой противоположности придаётся то выражение, что немногие избранные индивидуумы (напр., **И. В. Сталин, Б. И.**), в качестве активного духа, противопоставляются остальному человечеству как неодухотворённой массе, как материи. Гегелевское понимание истории предполагает существование абстрактного, или абсолютного, духа, который развивается таким образом, что человечество представляет собой лишь массу, являющуюся бессознательной или сознательной носительницей этого духа. Внутри эмпирической, экзотерической истории Гегель заставляет поэтому разыгрываться спекулятивную, эзотерическую историю. История человечества превращается в историю абстрактного и потому для действительного человека потустороннего духа человечества.

Параллельно с этой гегелевской доктриной развивалось во Франции учение доктринёров, которые провозглашали суверенность разума в противоположность суверенности народа, чтобы исключить массы и господствовать одним. Это было вполне последовательно. Если деятельность действительного человечества есть не что иное, как деятельность массы человеческих индивидуумов, то, наоборот, абстрактная всеобщность — разум, дух — должна найти себе абстрактное выражение, исчерпывающееся в немногих индивидуумах. От положения и силы воображения каждого отдельного индивидуума зависит тогда, желает ли он выдавать себя за такого рода представителя «духа».

Уже у Гегеля абсолютный дух истории обладает в массе нужным ему материалом, соответственное же выражение он находит себе лишь в философии. Философ является, однако, лишь тем органом, в котором творящий историю абсолютный дух по завершении движения ретроспективно приходит к сознанию самого себя. Этим ретроспективным сознанием философа ограничивается его участие в истории, ибо действительное движение совершается абсолютным духом бессознательно. Таким образом, философ приходит *post festum* [после праздника, т. е. с опозданием].

Гегель виновен в двоякой половинчатости: во-первых, объявляя философию наличным бытием абсолютного духа, он в то же время отказывается объявить действительного философского индивидуума абсолютным духом; во-вторых, абсолютный дух, в качестве абсолютного духа, он только по видимости делает творцом истории. Так как абсолютный дух лишь *post festum*, в философе приходит к сознанию себя как творческого мирового духа, то его фабрикация истории существует лишь в сознании, в мнении, в представлении философа, лишь в спекулятивном воображении. Г-н Бруно устраняет эту половинчатость Гегеля.

Во-первых, он объявляет критику абсолютным духом, а себя самого критикой. Как элемент критики изгнан из массы, так и элемент массы изгнан из критики. Критика считает себя поэтому воплощённой не в какой-нибудь массе, а исключительно в небольшой кучке избранных людей, в г-не Бауэре и его учениках».

Сталин об этой кучке так и писал: революционеры должны представлять собой своего рода орден меченосцев.

«Г-н Бруно, - отмечает Маркс, - устраняет далее и другую половинчатость Гегеля: если гегелевский дух творит историю лишь *post festum*, в фантазии, то г-н Бауэр, в противоположность массе остального человечества, сознательно разыгрывает роль мирового духа; он уже в настоящем становится в драматическое отношение к этой массе, изобретает и осуществляет историю с определённым намерением и после зрелого размышления.

На одной стороне стоит масса как пассивный, неодухотворённый, неисторический, материальный элемент истории; на другой стороне — дух, критика, г-н Бруно и компания как элемент активный, от которого исходит всякое историческое действие. Дело преобразования общества сводится к мозговой деятельности критической критики».

И ниже: «... абсолютная критика, обращаясь к тем, которые осмеивали «немецкую нацию» как «литераторшу», восклицает: «Назовите мне хотя бы одну историческую эпоху, которая не была бы властно предначертана «пером» и не должна была бы предоставить перу решить вопрос о её ликвидации!»

Апологет Сталина и КПСС пермский профессор-историк М. Г. Суслов так и говорит: битвам на баррикадах всегда предшествовали идеологические битвы.

Итак, у сталинистов партия — демиург истории.

«Мало того! — пишет Маркс. - Отношение критики, - значит, и воплощённой критики, г-на Бруно и компании, - к массе есть в действительности единственное историческое отношение нашего времени. Вся теперешняя история сводится к движению обеих этих сторон по отношению друг к другу. Все противоположности растворились в этой критической противоположности.

Так как критическая критика обретает для себя предметность только в своём противопоставлении массе, глупости, то она вынуждена постоянно порождать для себя эту свою противоположность, и гг. Фаухер, Эдгар и Шелига

представили нам достаточно доказательств той виртуозности, которой она отличается в своей специальности — массовом пропитывании глупостью как лиц, так и вещей».

Еще бы. Массы нужны партии — для осуществления своих высоких идей. Планы партии — планы народа.

«История — объясняет Маркс, — не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах»! Не «история», а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает всё это, всем обладает и за всё борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека».

Нет, возражают Марксу и Энгельсу сталинисты, что значит человек в сравнении с социализмом? Отдельный человек ничего не значит. Можно пожертвовать человеком ради истории. Общее, социализм — главное, частное же, человек — второстепенное.

«... общество — пишет далее Маркс, — поступает так же, как и государство, но только делает это в более вежливой форме: общество не выбрасывает вас за дверь, но создаёт для вашего существования в данном обществе такие невыносимые условия, что вы предпочитаете добровольно уйти из него.

В сущности, государство поступает не иначе, ибо и оно не исключает того, кто исполняет все его требования и предписания и не препятствует его развитию. В своей завершённой форме государство даже закрывает на многое глаза и объявляет действительные противоположности неполитическими, ничуть ему не мешающими противоположностями. ... Одно, и самое главное, ясно: будущее — дело рук критики. «Судьба», — восклицает она, — «может решать, как хочет; мы знаем теперь, что она — дело наших рук.»»

Еще раз: вождь, идеолог, генсек у сталинистов выступают в роли творца истории.

(И точно так же противоречия советского общества «абсолютная критика» объявляла неантагонистическими.

«Подобно богу, — смеется Маркс, — наделившему своё творение, человека, собственной волей, критика тоже наделяет своё творение, судьбу, собственной волей. Критика, творящая судьбу, всемогуща, как бог. Даже «встречаемое» ею внешнее «сопротивление» — тоже дело её рук. «Критика создаёт своих противников». «Массовое возмущение» против неё «угрожает» поэтому «опасностью» лишь самой «массе».

Но если критика всемогуща, как бог, то она также, подобно богу, и всеведуща и умеет соединять своё всемогущество со свободой, волей и природными задатками человеческих индивидуумов:

«Она не была бы создающей эпоху силой, если бы не производила того действия, что каждый выходит из её рук тем, чем он хочет быть, и что каждому неукоснительно предугадывается та точка зрения, которая соответствует его природе и его воле».

Сам Лейбниц не мог бы с большим успехом установить предустановленную гармонию божественного (социалистического, Б. И.) всемогущества с человеческой свободой и природными задатками человека».

Именно так у сталинистов. Партия — наш рулевой, молодое поколение еще не сталкивалось с этим лозунгом КПСС. Сталин же — всеведущ, ты, смеющийся возражать, видишь лишь частности, ОН мыслит общее, государственное.

Маркс подчеркивает: «Идеи никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка: во всех случаях они могут выводить только за пределы идей старого мирового порядка. Идеи вообще ничего не могут осуществить. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу. ...

Только политическое суеверие способно ещё воображать в наше время, что государство должно скреплять гражданскую жизнь, между тем как в действительности, наоборот, гражданская жизнь скрепляет государство. ...

«Но духовное существо не может быть поднято на более высокую ступень, если оно не изменится; а измениться оно не может до тех пор, пока не испытает самого решительного сопротивления».

Если бы критика была более знакома с движением низших классов народа, то ей было бы известно, что самое решительное сопротивление, которое низшие классы испытывают со стороны практической жизни, каждодневно подвергает их изменению. Новая прозаическая и поэтическая литература, исходящая в Англии и Франции от низших классов народа, показала бы критике, что низшие классы народа умеют поднимать себя на более высокую ступень духовного развития и без непосредственного осенения святым духом критической критики. ... Противопоставление духа и массы и есть критическая «организация общества», где дух, или критика, представляет организующую работу, масса — сырьё, а история — фабрикат».

Представляете?! Без осенения святым партийным духом. Сами! Поскольку сталинисты, не имея аргументов, к любым обвинениям Сталина приклеивают ярлычки «троцкизм» или «анархизм», Маркс, с их точки зрения, бесспорно впадает тут в злейший анархизм.